

на пути действительного перехода власти в руки большинства народа. И только одним способом может она прервать свои успехи, именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет инициативу выступления и тем подставит пролетариат под удары всей сплотившейся контрреволюции, поддержанной мелкобуржуазной демократией.

Против этой губительной политики мы подымаем голос предостережения.

Г. Зиновьев Л. Каменев 11 октября 1917 года

© 1993 г.

“БОЛЬШЕВИСТСКИЙ КАРФАГЕН” ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН...

(Письмо С. Г. Сватикова В. Л. Бурцеву)

Пожалуй, никто из серьезных историков уже не пытается выяснить, кто был “прав” в гражданской войне — красные или белые. Гражданская война была трагедией народа, трагедией, вышедшей далеко за годы собственно военных действий 1918—1920 гг. Психология и методы гражданской войны вошли в плоть и кровь, в гены нашего общества, дают о себе знать и сейчас, когда идейного или политического противника стремятся не убедить или опровергнуть, а раздавить, уничтожить — и хорошо еще, если “только” морально.

Психологию гражданской войны надо изживать, выдавливая из себя нетерпимость “по капле”. А для этого надо знать, “как было дело”, демифологизировать историю, а не замешать ставшее вакантным место “комиссаров в пыльных шлемах” “поручиком Голицыным и корнетом Оболенским”. Полагаю, что публикуемое ниже письмо С. Г. Сватикова, написанное “по горячим следам” событий, поможет уяснению не только конкретных обстоятельств гражданской войны на Дону, но и психологической атмосферы одного из самых страшных в истории России 1918 года.

Несколько слов об авторе и адресате. Профессор Сергей Григорьевич Сватиков — известный донской историк и общественный деятель. По убеждениям — социал-демократ с явно либеральным оттенком. Сотрудничал в журнале “Освобождение” П. Б. Струве. Приветствовал конституционные реформы 1905 г., хотя и считал их недостаточными, выпустил книжку “Общественное движение в России” и брошюру “Созыв народных представителей”. Печатался в ведущих исторических и литературных журналах “левого” толка — “Былое”, “Голос минувшего”, “Русское богатство”, “Современный мир”. Как историк, занимался общественным, в особенности студенческим, движением, нечаевщиной, прошлым Донского края. Опубликовал десятки брошюр и статей по этим проблемам, немалое число рецензий.

Имел неприятели с властями за свои политические выступления и литературные “вольности”. Так, одна фраза в рецензии Сватикова, напечатанной в декабрьской книжке “Былого” за 1906 г., едва не привела к уничтожению номера и осуждению редактора П. Е. Щеголева. Сватиков, говоря о студенческих волнениях, упомянул, “как на одной из сходов оратор заявил, что в избиении виноват не столько штабсротмистр, сколько всем известный полковник”. Всем известен в России был только один полковник — Николай П. Однако Петербургская судебная палата, сочтя неблагоприятным занятием доказывать идентичность несимпатичного полковника из рецензии Сватикова и императора всероссийского, дела раздувать не стала, ограничившись указанием на необходимость перепечатки крамольной страницы и сняла арест с номера. О, либеральные царские времена!

Правда, когда дотошные историки из “Былого” перешли от изучения прошлого к исследованию тайн современной “охранки”, журнал закрыли по гораздо менее серьезному поводу и без всяких проволочек.

Вершина политической карьеры Сватикова пришлась на 1917 г., когда он в качестве специального комиссара Временного правительства был командирован в Европу для ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции и проверки дипломатических служб. Итоги командировки нашли отражение в небольшой, но весьма информативной и интересной книжке “Русский политический сыск за границей”,

изданной Сватиковым в 1918 г. в Ростове-на-Дону. Любопытно, что в 1941 г. работа Сватикова была переиздана НКВД “для служебного пользования”. Опыт царской “охранки”, по-видимому, оказался полезным преемникам “рыцаря революции”.

В 1918—1919 гг., как подробно изложено в письме, Сватиков сотрудничал с Л. Г. Корниловым, затем с А. И. Деникиным. К работе в деникинском отделе пропаганды Сватикова привлек его одноклассник, известный донской предприниматель и политический деятель Н. Е. Парамонов. После поражения белых Сватиков оказался за границей. Был представителем в Париже Русского заграничного исторического архива (Пражский архив), печатался в различных эмигрантских изданиях. В 1924 г. в Белграде вышла главная книга Сергея Григорьевича, не утратившая научного значения до сих пор,— “Россия и Дон (1549—1917)”. Умер С. Г. Сватиков в эмиграции.

Адресат Сватикова Владимир Львович Бурцев начинал свою политическую деятельность как народоволец еще в 1880-е гг. Затем — обычная “карьеря” революционера — Петропавловка, Сибирь, побег, эмиграция. Ни в какие партии Бурцев не входил, обьявив себя независимым журналистом и историком. В борьбе за политические свободы в России призывал использовать народовольческие методы борьбы, преимущественно террор.

Известным Владимира Львовича сделали основание им еще в эмиграции исторического журнала “Былое”, посвященного освободительному движению, и главным образом разоблачение провокатора Азефа, возглавлявшего Боевую организацию эсеров. Войдя во вкус, Бурцев разоблачил еще свыше трех десятков провокаторов в различных партиях, основав в Париже что-то вроде революционного сыскального бюро.

Сватиков, как уже упоминалось, сотрудничал в “Былом”, начавшем выходить в России с 1906 г. Издавался журнал на средства его товарища Парамонова. Одним из редакторов был Бурцев. Тогда и произошло знакомство всех троих. Еще больше сблизил Владимира Львовича и Сергея Григорьевича общий интерес к тайнам царской “охранки”. В годы первой мировой войны оба заняли оборонческую позицию, а многолетний эмигрант Бурцев даже вернулся в Россию из патриотических соображений. Новоявленного патриота, впрочем, сразу же арестовали, опять упекли в Петропавловку и сослали затем в Туруханский край, где он оказался соседом Каменева, Свердлова и Сталина. Правда, вскоре Бурцева амнистировали по ходатайству французского правительства — уж очень большое возмущение во Франции вызвали нелепые в условиях войны действия российских властей.

Главное, что сблизало двух историков и публицистов в годы революции и гражданской войны,— борьба в защиту демократии против большевизма, с одной стороны, и монархизма — с другой. Бурцев был одним из застрельщиков антибольшевистской кампании после июльских событий 1917 г. В получившей широкое распространение статье “Или мы, или немцы и те, кто с ними” Бурцев обвинял большевиков в вольном или невольном пособничестве Вильгельму II. Он же позднее опубликовал список фамилий 159 эмигрантов, вернувшихся в Россию через территорию Германии. Как и Сватиков, Бурцев поддерживал Корнилова, считал, что никакого корниловского заговора не было, и требовал от Керенского повиниться перед генералом. В конце концов Временное правительство закрыло газету Бурцева “Общее дело” за публикацию секретных материалов по делу Корнилова.

25 октября (7 ноября) 1917 г. Бурцев выпустил единственный номер газеты “Наше общее дело”, в котором успел отразить события первой половины дня и обратиться с призывом: “Граждане, спасайте Россию!” Вечером Бурцев был арестован и препровожден в Петропавловку, где он уже сидел при Александре III и Николае II. Владимир Львович стал первым “политическим”, арестованным новой властью. Сватиков пытался вызволить Бурцева из крепости, но неудачно, а вскоре и сам вынужден был уносить ноги на Дон. В период неразберихи, вызванной немецким наступлением в феврале 1918 г. Бурцева выпустили. Он бежал в Финляндию, а оттуда в Швецию, где напечатал брошюру “Проклятие вам, большевики!”, неоднократно переиздававшуюся за границей и на контролируемой белыми территории.

Добравшись до Парижа, Бурцев возобновил здесь издание “Общего дела”, ставшего главной газетой эмиграции вплоть до начала 1920-х гг. На страницах своей газеты Бурцев призывал к единству антибольшевистских сил, предлагал забыть идейные разногласия и сплотиться под знаменами Колчака и Деникина. Не удивительно, что начав служить в деникинском ведомстве пропаганды, Сватиков обратился с предложением о сотрудничестве к Бурцеву. А заодно и описал приетельно свои злоключения за истекший 1918 год.

Нижепубликуемое письмо до адреса та дошло, было им сохранено и попало в эмигрантский Пражский архив, с которым, как и Сватиков, сотрудничал Бурцев. После второй мировой войны Пражский архив был передан Чехословакией в дар СССР и оказался в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ныне ГАРФ).

г. Ростов-на-Дону, 1919—
29 янв[аря] ст[арого]
ст[илия]

Дорогой Владимир Львович.

Большим счастьем для нас обоих было узнать из какого-то большевистского органа, что Вы освобождены, а потом, что Вы уехали. Куда? Никто не знал¹. Я покинул С [анкт]-П [етербург] в ноябре 1918 г.², когда мне в Смольном дружески посоветовали ехать. Я пришел снова хлопотать о свидании с Вами. Приезжал в П[етро]-П[авловскую] крепость, хотел пройти по старому разрешению, но там уже вожжи были подтянуты и тов. Благодеров³ меня к Вам не пустил. Представьте себе горе Пол[ины] В[асильевны]⁴, в Вас влюбленной. Я был глубоко и искренне огорчен. На Дону я видел всех людей ноябрь-февральского казачьего движения, видался и работал с Корниловым и Алексеевым⁵. Первый из них, памятуя нашу совместную работу в С[анкт] -П[етербурге], был ко мне очень внимателен. Когда кольцо у Ростова замыкалось, Корнилов вызвал меня, сказал, что совещался с дон [ским] атаманом Назаровым⁶ и признал положение безнадежным. Эвакуация раненых началась раньше, но только что решено уходить. Предлагал мне идти с ними. Я сказал, что в обозе быть грузом не хочу, а ружья мне давать он не хотел. Рискнул остаться. В городе мало кто знал моем пребывании, а пришедшие большевики не знали меня. Я обнял Корнилова, который сменил свое пальто мещанина на офицерскую походную шинель. Папаха и сапоги остались те же.— “Увидимся ли, С[ергей] Г[ригорьевич] ?” — спросил Л[авр] Г[еоргиевич].— Я шутил: “Эх, Л[авр] Георгиевич]. Вы можете сказать: я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, и от Александра Федоровича, и из Быхован⁷. Конечно, увидимся! Что бы Вас ни ждало — лавры Цезаря или корона, но терновый венец я уже вижу на Вашей голове. Во имя свободной России, единой России — с Богом — к победе!” Корнилов приказал караулу выходить. На улице строился еще последний отряд, на тротуаре. Подъезжали повозки Кр[асного] Креста с белым верхом. Какая-то сестра милосердия, видимо, офицерская жена, причитает: “О, Господи, из Пруссии отступали, с Карпат, по так — никогда не приходилось”. Ночь упала на землю... И вдруг стало тихо на улице, все опустело... Я вошел в Парамоновский дворец⁸, где только что звучали шаги в зале с колоннами, всюду было пусто... На столе в кабинете разведки пылали зажженные бумаги, огонь готов был охватить мебель.— “Что же, барин,— спросил меня сторож,— али дому гореть, чтобы большевикам не доставался?...” Я приказал тушить пожар, сложить все бумаги из дома костром на дворе. Прибежавшие в дом сестры милосердия помогали таскать бумаги. Когда они отъехали от дома, я стал у калитки в решетке дома. Скакали офицеры, спрашивали, здесь ли штаб, и спешили дальше на восток. Прибежала группа рабочих.— “Ушли?” — “Пет еще, в доме караул и останется до 2 ч [асов] ночи, уходите”.— Группа убежала. Прискакал старый полковник,— “Здесь ли поручик Ивановский? Скажите, если заедет, что отец достал лошадь и присоединяется к отряду”. С севера неумолчно гремели пушки и летели снаряды. Целили, видимо, по Парамоновскому дому. Снаряды рвались все ближе и ближе, недолет, перелет. Прибежали 2 англ [ийских] офицера.— “Где Корнилов?” — “Штаб выступил!” Тут снаряд упал вблизи. Англичанин, ложась, толкнул и меня:— “Да ложитесь же!” Через минуту встали, обнялись. Они пошли спешно в город, я в дом, обыскал столы Алексеева и Корнилова. У Л[авра] Г[еоргиевича] на столе лежал горчичник, ни клочка писаной бумаги. Костер с бумагами, снесенными мною и сестрами, уже догорал на снегу. Я выглянул на улицу. Выйти сюда было уже опасно. Справа и слева по Пушкинской надвигались группы местных жителей, большевиков и просто думавших пограбить. Дом был очищен от бумаг. Сторож причитал над обстановкой, лампами, горевшими на столах и пишущими машинами.— “Все „им“ достанется”. Выходя из калитки на заднюю улицу со сторожем, мы услышали радостное “ура”. Толпа проникла с улицы, и новые хозяева радостно занимали дворец. На Садовой⁹ было пусто, всюду лежал белый, глубокий, только что выпавший снег, ярко светили фонари, но нигде ни одного человека. Глухо, как в деревне... Пушки за городом гремели. Большевики не решались входить в город, не веря слуху об уходе добровольцев...¹⁰ Кое-где раздавались отдельные выстрелы!... Потом мы пережили 74 дня “советской” власти, видели убийства на улицах, обыски. Приходили арестовывать сестру за “саботаж”, хотели убить меня, обстреливали с перепугу дом из пулемета. Смерть была вокруг и вблизи — не раз. Па первый день Пасхи отряд Дроздова¹¹ ворвался в город с запада, у нашего дома стояла пушка, и по ней били оттуда, а от ее выстрелов сотрясался весь дом. На четвертый день канонада усилилась, за Доном горел поезд со снарядами, снаряды рвались непрерывно. И вдруг стало тихо. Дроздовцы-офицеры ехали верхом с востока по Б[ольшой] Садовой. Кто-то крикнул: “Корнилов, Корнилов — впереди!” Я выбежал, задыхаясь, на улицу, но это был не Корнилов, и не корниловцы¹². Дроздовский отряд обошел Ростов, помог восстановившим

казакам взять Новочеркасск и ворвался в Нахичивань. Толпы народа запрудили тротуары, кричали — ура, Христос воскрес. Но они ничего не знали о Корнилове, эти офицеры, пришедшие сюда с боем с румынского фронта. Вдруг кто-то закричал: “глядите, глядите, немцы!”¹³ С запада черной сплошной массой двигались германцы в касках. Дойдя до Малого просп [екта]¹⁴ они круто поворачивали на юг к Дону. Через 4 дня я уехал спешно на свидание с ген[ералом] Алексеевым, в ст[аницу] Мечетинскую. Деникин был в потрепанном тулупчике с обветренным лицом и бородой лопатой. Глядя на него думалось, как у Тургенева: “Экий чуйка!” — “Скажите, С[ергей] Григорьевич,— спросил меня Алексеев,— не знаете ли, где этот сукин сын Керенский?”

Теперь о деле. Вы знаете, конечно, что П. Е. Парамонов приглашен Деникиным быть министром пропаганды и агитации. Мысль подал полк [овник] Киз, помощник ген [ерала] Пуля¹⁵, присланного сюда для информации. Он говорил, что нужно вести пропаганду в Европе, ибо дело не в правительствах, а в народе; последний же под влиянием колоссальной большевистской пропаганды, утверждающей, что б[ольшевик]и — социалисты etc. Н[иколай] Е[лпидифорович] предложил мне ехать в Париж, найти Вас (мы не знаем, где Вы), организовать издание книг, брошюр и листовок, а Вас просить взять на себя управление Российским] Тел[еграфным] А[гентством] за границую. Однако ему Краснов навязывает в товарищи Ф. Д. Крюкова, который из русскобогатовца превратился в яркочерносца¹⁶. Другим товарищем приглашен, кажется, Д. Д. Гримм¹⁷, чтобы заменять Н[иколая] Е[лпидифоровича] в заседаниях в Ставке. Я остаюсь каким-то товарищем сверх комплекта, и не прочь отказаться, если не поеду за границую. Ставить меня на утверждение Н[иколай] Е[лпидифорович] не решается из-за моего столкновения с ген[ералом] Драгомировым¹⁸. Этим летом два германских агента, офицеры, штабс-капитаны Панченко и Васильев сделали вооруженное нападение на мою квартиру ночью, чтобы убить меня за статью якобы о Николае II, на самом деле из-за того, что я верно, все время германской оккупации, держался союзнической ориентации. Они разбили дверь и, не найдя меня (я побежал в соседнюю квартиру вызывать милицию по телефону), стреляли в упор в мою сестру — хозяйку квартиры, и бежали, услышав приближение людей на помощь. Они потребовали письменно от меня, чтобы я взял назад слова о Николае. Я отказался, равно и от дуэли, предложенную “группою офицеров, сторонников династии дома Романовых”. Я отказался, полагая, что писатель свободен выражать мнение об исторических деятелях, и узнавши, что означенные офицеры издают газету, т[ак] н[азываемый] “Бюллетень” на германские деньги. Этот поступок бандитов остался безнаказанным. Правда, Краснов выслал из Р[остова] отряд особого назначения, коего выходка по отношению ко мне лишь завершила ряд безобразий и злодейств, но покушавшиеся на убийство беззащитной и посторонней женщины остались безнаказанны. Все же Драгомиров, ярый царист, нашел, что правы были монархисты, а не я. Парамонов просил меня написать Вам, что он оплатит Ваши счета, но я все же очень советую делать наоборот: сперва получите деньги, а потом расходуйте. Нелепо, конечно, но у правительства, претендующего на всероссийское, даже на ю[жно]-росс[ийское] значение, денег мало, да и переводят неаккуратно. Парамонов испросил на 3 мес[яца] 8 милл[ионов] рублей. Желательно, чтобы Вы поставили [на] службу “Унион” или переименовали его в “Росста”. Как угодно! Пишите Н[иколаю] Е[лпидифоровичу], что необходимо прислать к Вам полномочного представителя для решения всех вопросов о бюро не только печати, но и издательства и т. д. Мы могли бы обсудить все нужды, решить все вопросы и двинуть дело, о котором говорил полк[овник] Киз, т. е. пропаганду за границую. В России же лучшие пропагандисты — сами большевики! Право! Пропаганда действием с их стороны очень активна.

Мне кажется, что и Пуль, и Эрлиш переоценили Краснова, который так усердно служил Вильгельму II и с такою неохотою глядит на союзников. Союзники явно делают ошибочную ставку на эту личность¹⁹. Он — царист и probosches nous reslons anliboshes, quand même²⁰.

Что это за политическое совещание в Париже? Многие восторженно приветствуют кн. Львова и Савинкова. Не все еще слопали царисты. Хотя главная задача, конечно, разрушение большевистского Карфагена! Это главное! Хотя и много делают зла идеи единой России злодейства реставраторов. Однако не они победят²¹.

Целую Вас, тороплюсь кончить. Письмо пойдет с А. И. Гучковым. Прилагаемое разошлите.

Ваш Сергей Сватиков

Мой адрес через Парамонова.

ГАРФ, ф. 3802, оп. 1, ед. хр. 535.— Автограф

Примечания

¹ После освобождения из тюрьмы в начале 1918 г. Бурцев эмигрировал сначала в Финляндию, затем в Швецию.

² Так в тексте. Явная описка, речь идет, конечно, о ноябре 1917 г.

³ Благодравен Г. И.— большевик, комендант Петропавловской крепости.

⁴ Сватикова П. В.— жена Сергея Григорьевича.

⁵ Генералы Корнилов Л. Г. и Алексеев М. В.— организаторы Добровольческой армии.

⁶ Генерал А. И. Назаров был избран донским атаманом после самоубийства А. М. Каледина 29 января 1918 г. 25 февраля 1918 г. Новочеркасск был захвачен 10-м и 27-м революционными казачьими полками. Назаров и президиум заседавшего там малого Круга были арестованы. Казачий круг был распущен, а генерал Назаров расстрелян.

⁷ Сватиков намекает на побег Корнилова из австрийского плена, а затем из тюрьмы в г. Быхов, где содержались арестованные по указанию А. Ф. Керенского руководители корниловского выступления.

⁸ Ныне в этом здании помещается библиотека Ростовского университета.

⁹ Ныне улица Ф. Энгельса.

¹⁰ Ростов был занят 24 февраля 1918 г. красногвардейскими частями под общим руководством В. А. Антонова-Овсеенко. В. И. Ленин, придававший большое значение захвату Ростова, 23 февраля телеграфировал: “Экстренно. По нахождению наркому Антонову. Сегодня же во что бы то ни стало взять Ростов” (Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 46).

¹¹ Так в тексте. На самом деле — М. Г. Дроздовского. Полковник Дроздовский сформировал в декабре 1917 г. на Румынском фронте отряд численностью около 1000 чел. В марте выступил в поход на соединение с Корниловым. 4 мая дроздовцы захватили Ростовский вокзал, но вскоре были выбиты частями 2-й Украинской армии, прорвавшейся к Ростову из Новочеркасска.

¹² Генерал Л. Г. Корнилов был убит 31 марта 1918 г. при штурме Екатеринодара.

¹³ Немцы вошли в Ростов 8 мая.

¹⁴ Ныне пр. Чехова.

¹⁵ Генерал Пуль — руководитель Британской миссии на Кавказе.

¹⁶ Крюков Ф. Д.— известный донской писатель; большая часть его произведений опубликована в демократическом “Русском богатстве”. Депутат I Государственной думы. В августе 1918 г. избран секретарем Большого Круга.

¹⁷ Гримм Д. Д. — профессор права Петербургского университета, член левой группы Государственного совета, активный деятель партии кадетов.

¹⁸ Генерал А. М. Драгомиров — председатель Особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России — фактически денкинского правительствa. Впоследствии заменен ген. А. С. Лукомским.

¹⁹ Генерал П. Н. Краснов был избран войсковым атаманом 16 мая 1918 г. Приветствовал оккупацию части Донской области немецкой армией, заключил с Германией соглашение о поставках донским казакам немецкого оружия и боеприпасов в обмен на зерно, скот и сырье. 19 февраля 1919г. подал в отставку и уехал в Германию. Причина отставки — военные неудачи и противоречия с командованием Добровольческой армии.

²⁰ Франц.— Он царист и пробош, мы же останемся антибошами в любом случае. Боши — бранное прозвище немцев.

²¹ Однако правые все-таки “слопали” Парамонова вместе со Сватиковым. Уже 18 марта 1919 г. Сергей Григорьевич писал Бурцеву: “Я пробыл товарищем министра 2 месяца фактически и с 17 янв[аря] по 21 фев[р]аля юридически, и подал в отставку. Парамонов — то же. Причина — крайнее черносотенство Драгомирова, коему подчиняется и Деникин, более осторожный, спокойный и разумный.... По-видимому, примирительная программа Парамонова отвергается и заменяется более правой. Я же хлопотал о том, чтобы меньшевики работали совместно с Добрармией. И удавалось! Эх, Львович. Ничему-то люди не научились и не забыли. Мстительные и злобные!..” (ГАРФ, ф. 5802, оп. 1, ед. хр. 535, л. 44—45 об.).